

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ Ч. 5 СТ. 175 УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

Д.А. Тихоненков,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Украины и зарубежных стран Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, г. Харьков;

Е.В. Надоля,

адвокат АО «Тихоненков, Надоля, Шадрин и соратники», г. Харьков

Часть 5 ст. 176 УПК Украины была введена Законом Украины «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины относительно неотвратимости наказания за отдельные преступления против основ национальной безопасности, общественной безопасности и коррупционные преступления» [1, №46 - ст.2046].

Смысл этой статьи заключается в том, что к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении ряда преступлений, предусмотренных статьями 109-114-1, 258-258-5, 260, 261 УК Украины, в качестве меры пресечения может быть применено только содержание под стражей, без права внесения залога.

К этим преступлениям относятся все статьи I Раздела Особенной части УК Украины «Преступления против основ национальной безопасности Украины» (ст. 109-114-1), часть статей, относящихся к разделу IX УК Украины «Преступления, против общественной безопасности» (ст. 258-258-5, 260, 261). Ранее по преступлениям, против основ национальной безопасности были серьезно ужесточены санкции Законом Украины № 1183-VII от 08.04.2014 г. [2].

Досудебное следствие по данной категории дел проводится, как правило, СБУ, в отдельных случаях его проводят органы милиции (полиции) или прокуратуры. Практика адвокатского объединения «Тихоненков, Надоля, Шадрин и соратники» показывает, что суды полностью придерживаются требований ч.5 ст. 176 УПК Украины и все подозреваемые по указанным статьям заключаются под стражу. Следственные судьи всегда выносят соответствующие определения, даже если ходатайства об определении меры пресечения не подтверждаются реальными доказательствами.

Любые аргументы защиты, ссылка на Европейскую практику о том, что в любом случае подозрение должно быть обоснованным (пункт 1 (с), п. 3, ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод 1950 г., а также решения по конкретным делам) судьями игнорируются.

Это является грубым нарушением, поскольку ч. 4 ст. 9 УПК Украины предусматривает обязанность суда, в случае противоречия норм национального уголовно-процессуального законодательства международному договору, применять положение соответствующего международного договора Украины. А ст. 17 Закона Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» прямо указывает на то, что нормы Конвенции 1950

г. и практика ЕСПЧ являются источником права Украины и обязательны для исполнения. [3, ст. 17]

Судьи игнорируют это требование законодательства, что приводит к неправовым последствиям. К примеру, наши подзащитные луганские милиционеры К. и В. первоначально подозревались по ч.1 ст. 263 УК Украины (незаконное обращение с взрывчатыми веществами) и к ним была применена мера пресечения заключения под стражу с возможностью внесения залога. В тот день, когда залог был внесен, и они должны были выйти на свободу, прокуратура предъявила еще одно подозрение по ст. 258 УК Украины (покушение на террористический акт) и они остались под стражей. Каждый раз, когда продлевалась мера пресечения, прокурор ссылался на ч.5 ст. 176 УПК Украины, несмотря на явную необоснованность подозрения. Через полтора года с момента задержания прокуратура отказалась от обвинения по ст. 258 УК Украины и гражданину В. была изменена мера пресечения на личное обязательство. Таким образом, он все это время необоснованно содержался под стражей, в связи с чем в ЕСПЧ подана жалоба. Европейский суд принял ее к рассмотрению.

В своих ходатайствах об изменении меры пресечения мы всегда ссылаемся на конкретные решения ЕСПЧ и на положения Конвенции 1950 г. У судей нет практики применения этой нормы. Более того, в своих определениях они даже не фиксируют доводы стороны защиты, опирающейся на европейскую практику. Единственным исключением является дело гражданина Н., когда коллегия судей Апелляционного суда Харьковской области сослалась на норму Конвенции 1950 года, но лишь на ее часть, удобную суду для обоснования продления содержания под стражей.

Практически невозможно изменить меру пресечения подозреваемым или обвиняемым по вышеуказанным статьям УК Украины. Было лишь несколько исключений, когда состояние здоровья наших подзащитных не позволяло им находиться в условиях СИЗО. Например, луганский милиционер К. был освобожден раньше его коллеги В., поскольку было заключение врачей и справка о невозможности его нахождения в условиях СИЗО по состоянию здоровья. Другой случай, когда Северодонецкий городской суд Луганской области освободил из под стражи гражданина К., обвиняемого по ч. 2 ст. 110 УК Украины, после того, как с ним в СИЗО случился инфаркт. Суд вынужден был сослаться в описательной части определения об изменении меры пресечения на конкретное решение ЕСПЧ №30671/04 по делу «Клишин против Украины», но не указав его как основание принятия такого решения.

Зная о том, что в случае предъявления подозрения по определенным статьям человек обязательно будет заключен под стражу, органы следствия дополняют подозрения статьями, указанными в ч.5 ст. 176 УПК Украины. К примеру, когда наш подзащитный гражданин А. был выпущен под залог, и ему было предъявлено подозрение по ст. 109 УК Украины. После чего он был взят под стражу. Основанием для такого подозрения явились всего лишь несколько видеоматериалов из сети интернет, подкрепленные экспертизами, которые носят сугубо предположительный характер. В данном случае имелось формальное подозрение, которое в последствии переросло в обвинение. Но не было четкого

обоснования, как это требует Конвенция 1950 г. Появилась практика, когда статьи 109 и 110 УК Украины предъявляются лицам, которые всего лишь осуществляли репост материалов в сети интернет, но при этом сами не призывали к насильственным действиям против государства Украина.

В наше адвокатское объединение также стали обращаться люди, у которых родственники находятся под следствием или даже уже осуждены по ст. 113 УК Украины - диверсия. В основном речь идет о подрыве железнодорожного полотна. Анализ материалов дел говорит о том, что возможно по этим делам была провокация правоохранительных органов. Подзащитные заявляют о своей невиновности и применении к ним недозволенных следственных методов. Санкция данной статьи предполагает наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества, либо без такой. Лица, находящиеся под стражей по такой статье, понимают, что судьи не пойдут на оправдательный приговор, поэтому вынуждены признавать свою вину, в надежде на смягчение наказания. Косвенно их невиновность подтверждают первые приговоры, когда при наличии такой высокой санкции, наказание назначается ниже низшего предела санкции. Тем самым судьи показывают, что реальных оснований для вынесения приговора в пределах санкции нет, а выпустить на свободу человека они не могут.

В районах, находящихся в зоне АТО ч. 5 ст. 176 УПК Украины широко применяются при подозрении лиц по ст. 260 УК Украины - создание не предусмотренных законом вооруженных формирований. Дело в том, что контроль за этими территориями осуществлялся то Вооруженными силами Украины, то незаконными вооруженными формированиями, и поэтому те люди, которые оказывали медицинскую либо гуманитарную помощь, приносили продукты питания, а некоторые просто проживали в этих районах, либо проезжали через эту территорию оказывались подозреваемыми, а затем обвиняемыми и подсудимыми по ст. 260 УК Украины. Часто им вменяли подозрение по ч. 5 данной статьи, предусматривающей в качестве последствий гибель людей, либо иные тяжкие последствия. Санкция по данной части предусматривает наказание от 10 до 15 лет лишения свободы. Арестованных было очень большое количество, поэтому для разгрузки мест содержания под стражей следственные органы пошли на массовое освобождение путем изменения квалификации. Если заключенный полностью признавал свою вину, то его действия переквалифицировались на ч. 2 ст. 260 УК Украины, санкция которой предполагала наказание в виде лишения свободы от 3 до 8 лет лишения свободы. Если человек соглашался, досудебное следствие оперативно заканчивалось путем соглашения с прокуратурой о назначении наказания от 3 до 5 лет лишения свободы с применением ст. 75 УК Украины.

Анализ применения ч.5 ст. 176 УПК Украины показывает, что практически нет возможности добиться иной меры пресечения, кроме содержания под стражей даже если подозрение или обвинение необоснованно.

Украина сейчас находится на переломном этапе. Похожая ситуация наблюдалась в истории многих стран, когда после смены власти ужесточалось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В этом нет ничего нового,

но стремление к построению справедливого государства, обеспечению прав и свобод всех граждан требуют отказа от революционного принципа целесообразности и установления режима законности в таком виде, как это предусмотрено международными договорами, конвенциями и европейской судебной практикой.

Список использованной литературы:

1. Ведомости Верховной Рады Украины, 2014
2. Закон Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины» №1183-VII от 08.04.2014 г.
3. Закон Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» № 3477-IV от 23.02.2006 г.

УДК 343

**КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ПРАВОВАЯ РЕАКЦИЯ
НА КОРЫСТНОЕ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
В ПОИКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

В.М. Хомич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, директор НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

1. Уровень криминализации в сфере экономической деятельности велик, однако наблюдается очевидная неэффективность борьбы с экономическими преступлениями. Современные олигархи экономической деятельности, при этом не без поддержки законодателя, как будто уверяют нас, что аферы – неотъемлемая часть предпринимательской системы, своего рода «плата» за рыночную организацию производства, и что к ним нужно относиться терпимо и снисходительно.

Поэтому реакция научного сообщества на уголовную политику в сфере противодействия экономической преступности расплывчата и перспективно неопределенна. Тем не менее, при любом уголовно-правовом и статистическом подходе экономическая преступность становится ядром огромной корыстной преступности. Если бы удалось зарегистрировать хотя бы четверть реальной экономической преступности, она могла бы превысить число самых распространенных деяний. Латентность преступности экономической направленности самая высокая. Именно она подрывает экономику страны и ее социальные программы. Такие преступления имеют форму организованных хозяйственных операций с привлечением экономических инструментов – безналичных счетов, платежных документов, кредитов и т.п.

2. Развитие западной рыночной экономики убедительно демонстрирует, что границы «правовой реальности» в сфере бизнеса «размыты» и в разные исторически складывающиеся экономические ситуации носят избирательно-неопределенный оценочный характер. Дело в том, что в основе самой предпринимательской деятельности изначально заложен причинный комплекс экономи-